

МИЕРМИЛИС СТЕЙГА
ЛАЗАРЬ ВОЛЬФ

ШАХ КОРОЛЕВЕ БРИЛЛИАНТОВ
ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Миермилис Стейга

Шах королеве бриллиантов

«Алисторус»

1970

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

Стейга М.

Шах королеве бриллиантов / М. Стейга — «Алисторус»,
1970 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-609-3

В одной из рижских квартир найден труп хозяйки – пожилой женщины Алиды Грубе, обезображенный серной кислотой. Все улики указывают на бывшую квартирантку убитой, молодую девушку Зенту. Алиби у нее нет, зато в сумке имеются драгоценности погибшей хозяйки. Однако прокурор не подписывает обвинительное заключение: в деле не все доказано, и всё не так просто, как кажется на первый взгляд. Следователям приходится искать новые пути в расследовании этого непростого преступления. Нас ждет целый каскад неожиданных поворотов. След ведет в буржуазное прошлое Латвии... В дело вступает адвокат Робежниека, который бросается в авантюры, чтобы оправдать Зенту и найти настоящих преступников. По этой остроумной детективной повести можно изучать быт советской Прибалтики. Читайте классический ретро-детектив – классику жанра!

УДК 82-312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-609-3

© Стейга М., 1970
© Алисторус, 1970

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	7
3	9
4	11
5	16
6	18
7	20
8	23
9	27
Глава 2	29
1	29
2	33
3	35
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Миермилис Стейга, Лазарь Вольф

Шах королеве бриллиантов

Глава 1

1

Молоденькая девушка, секретарь суда, взглянула на часы. До начала заседания еще десять минут. Она выдвинула ящик стола, достала пачку синеватых бланков протокола. Потом метнула взгляд в зеркало, взбила светлые кудряшки и оправила на себе узкую коротенькую юбку.

– Зря стараешься, – с язвительной усмешкой заметила сидевшая у окна машинистка и сменила закладку в стареньком «Ундервуде». – Адвокат Робежниеке предпочитает шатенок.

Секретарь же предпочла пропустить эту реплику мимо ушей. Задрав кверху курносый носик, она важно прошеествовала в зал.

Зал суда был самый заурядный. Такие встречаются в Риге и в Балке, в Москве и Новосибирске. Несмотря на различия в форме и размерах, им присуще нечто общее. И прежде всего это тяжелая дубовая мебель, позолоченные гербы на высоких спинках судебных стульев, придающие залам суровую простоту, как бы подчеркивая справедливость судебного приговора и незыблемость закона.

Судебное разбирательство шло уже третью неделю, однако интерес рижан к этому делу не ослабевал. Зал был ежедневно полон публики. Одних тяжкое преступление волновало своей необычностью, других интриговали отдельные детали процесса. Были и такие, кому просто хотелось увидеть своими глазами настоящего убийцу.

Справа от судейского стола занял свое место государственный обвинитель Роберт Дзенис. Он медленно перелистывал дело, словно надеялся обнаружить в нем какое-то важное, но ускользнувшее обстоятельство.

Защитник Ивар Робежниеке, щеголеватый молодой человек с худощавым энергичным лицом, сидел, небрежно заложив ногу на ногу. Выступление в столь шумевшем судебном процессе льстило самолюбию адвоката. И он старался произвести хорошее впечатление на публику.

Робежниеке поглядывал в зал, где не осталось ни одного свободного места. Возле самого окна породная тетка подозрительно косилась на свидетелей и что-то нашептывала своей соседке – старушенции с тонкими, плотно сжатыми губами. Адвокат безошибочно узнавал здешних завсегдатаев. Еще не перевелись обыватели, которые дня не могут прожить, не сунув носа в чужую кастрюлю. Когда же возможности коммунальной квартиры бывают исчерпаны, эти людишки шляются по судам и млеют от удовольствия на бракоразводных процессах или на разборе дел, связанных с преступлениями против нравственности. И туго приходится судье, который примет решение слушать дело при закрытых дверях!..

В дальнем конце зала расположилась шумная компания студентов юридического факультета. Оттуда, с «Камчатки», слышались приглушенные смешки и реплики:

– Потеснись, миледи! Дай сесть человеку.

– Куда лезешь, плоскостопый!

– Смотрите-ка, Айя толстую тетрадь вытащила, сейчас будет конспектировать!

После набивших оскомину скучных лекций по административному и колхозному праву этот процесс для студентов был как хорошее театральное представление, после которого есть о чем поговорить и поспорить.

Вдруг по залу пролетел шорох, словно легкий бриз тронул вершины сосен на приморских дюнах.

– Ведут, ведут!

Как по мановению волшебной палочки смолкли разговоры. Воцарилась почтительная тишина. Помощник прокурора Дзенис отложил в сторону папку с делом. Приосанился адвокат Робежниеке. Секретарь отбросила непослушный локон. Всеобщее внимание сосредоточилось на боковом входе. С минуты на минуту в сопровождении милиционеров оттуда должен выйти убийца.

Итак, сейчас начнется суд.

2

Город начинает подмигивать огненными неоновыми глазами.

Ответственный дежурный по Управлению внутренних дел включает в кабинете свет. Теперь еще отчетливей виден занимающий всю стенку рельефный план города. Крохотными домиками и фигурками обозначены на нем места, где расположены штабы народных дружин и милицейские посты. Прямые и изогнутые линии улиц унизаны красными и белыми жемчужинами электролампочек. Вереницы вспышек, словно трассирующие пули, отмечают движение милицейских машин. Сквозь атмосферные помехи в громкоговорителе слышны короткие рапорты патрулей.

– Я «Чайка-два». Нахожусь в Чиекуркальне. Двигаюсь по маршруту. Происшествий нет.

– Докладывает «Орел-три». В переулке у забора комбината «Ригас мануфактура» вижу большой сверток. Очевидно, переброшен через ограду. Продолжаю вести наблюдение. Жду распоряжений.

– Я «Чайка-восемь». В конце улицы Бикерниеку у троллейбуса сломалась полуось. Позвоните в аварийную службу.

В небольшом кабинете точно луч в капле воды отражается жизнь столицы Латвии, прослушивается ее пульс. Со всех концов города сюда стекается оперативная информация. Ответственный дежурный принимает донесения, регистрирует их, отдает распоряжения.

В соседней комнате бывалый сержант играет в новус с молоденьким лейтенантом. Седоволосый судебно-медицинский эксперт за шахматным столиком глубокомысленно изучает позицию противника. Неужто и на этот раз не удастся одолеть самоуверенного Шерлока Холмса? Капитану Соколовскому чертовски везет в шахматы, и это обстоятельство просто бесит обычно невозмутимого врача.

– Что ж, укрепим позиции временным отступлением, – замечает он, возвращая слона на исходный рубеж.

– Сдаете завоеванную территорию без боя? – злорадствует Соколовский.

– Территория нынче не имеет решающего значения.

– Имеет, и еще какое! Однажды я приехал в свой родной Вилякский район, – говорит капитан, не отрывая взгляда от шахматной доски. – Сидим с тамошним участковым Езупаном в его служебном кабинете. Вдруг распаивается дверь, вваливается какой-то верзила и орет: «На помощь! Убийство! Там, около старой мельницы труп!»

Лейтенант с сержантом кладут на стол кии новуса. Надо послушать! В Управлении внутренних дел капитан Соколовский известен как великий мастер рассказывать всякие байки.

Капитан продолжает, но это не мешает его ладье вторгнуться в тыл противника.

– Мы с Езупаном вскакиваем, седлаем мотоцикл и едем на мельницу. Глядим, в канаве лежит ничком какой-то малый в резиновых сапогах, руки раскинуты в стороны, весь в грязи перепачкан.

Езупан, бедняга, пожимает плечами. «Скверное дело. Надо протокол составлять. Эксперта вызвать. Что начальнику скажу?» И тут на него находит просветление:

«Слушай, да ведь это же не наша территория. Канава-то пограничная! Лежит он, правда, на моей стороне, но стоял-то не на моей! Видишь, где его ноги? Поехали, позвоним».

Прибыл инспектор соседнего участка. Походил вокруг трупа, побряхтел и рассудил: «Раз голова, Езупан, на твоей территории, значит, тебе вести следствие». Езупан ни в какую. Голова, говорит, важное обстоятельство для живого, а не для трупа.

Покуда препирались, труп исчез! «Елки-палки!» – схватился за голову Езупан. А из-за кустов кто-то басит: «Эй, опохмелиться у вас нечем?»

Соколовский делает рокировку в длинную сторону.

Лейтенант с сержантом хохочут. Судебно-медицинский эксперт кисло улыбается. Лишь следователь прокуратуры Борис Трубек никак не реагирует на столь неожиданный финал истории. Он сидит в углу комнаты на низком диванчике, спина горбом, уши зажаты ладонями. Очки с толстыми стеклами съехали с переносицы. Трубек с головой ушел в свои конспекты – скоро госэкзамены, каждая свободная минута на счету.

Смуглый старший лейтенант с пижонскими усиками настраивает телевизор. До начала трансляции со стадиона остаются считанные минуты.

– Так и так твоя «Даугава» продует, – добродушно трунит над ним капитан, объявляя гарде королеве доктора. – Не порть нервы, дорогой. Здоровье надо беречь смолоду, говаривала моя мудрая тетушка, да будет ей земля пухом.

– Зачем так говоришь? – возмущается старший лейтенант. – Сегодня обязательно выиграют.

Соколовский твердит свое:

– Продуют как пить дать! Вне всякого сомнения. Класа «А» ей не видать, как тебе копейки после того, как отдал жене зарплату.

Спор прерывает металлический голос репродуктора.

– Опергруппа, на выход! Убийство на улице Вайрога! – коротко сообщает ответственный дежурный.

Старший лейтенант резко встает и выключает телевизор. Врач с сожалением покидает шахматный столик. Следователь Трубек распахивает по карманам конспекты.

Несколькими минутами позже милицейская машина уже мчится по улице Кришьяна Барона к Воздушному мосту.

3

– Свидетель Майга Страуткалн! – вызывает председатель суда. – Попросите войти.

К судейскому столу приближается стройная блондинка. Серые выразительные глаза в упор смотрят на судью.

Взгляд адвоката машинально задерживается на недурных ножках молодой женщины.

«Волнуется», – отмечает про себя прокурор, глядя на свидетельницу. – Даже руки дрожат. Наверно, первый раз в суде».

Свидетельницу предупреждают, что за ложные показания она несет уголовную ответственность по такой-то статье кодекса. Затем председатель приступает к допросу.

– Вы работаете в поликлинике?

– Да, я районный врач.

– И на месте преступления оказались первой. Расскажите, пожалуйста, как это было.

Тук-тук, тук-тук. Постукивают каблучки по асфальту. Раз-два, прыг-скок. Майга скачет на одной ноге по нарисованным мелом клеткам на тротуаре. На лице детская улыбка, озорные огоньки в глазах. Хорошо бы теперь перелезть через этот обветшалый длиннющий забор. И на другой стороне написать мелом: «Айя + Янка = дураки».

Да где уж там... Юбка узка, пальто слишком длинно. И прочие препятствия. Майга пере скакивает еще в один «класс» и затем продолжает свой путь по пустынной улочке.

Тут, на окраине города, осень может показать, на что она горазда. Куда ни глянь, покрытые багрянцем и позолотой деревья. Прохладный ветерок закрутил на мостовой хоровод кленовых листьев. А когда ему это надоедает, норовит забраться Майге за ворот и растрепать волосы.

Закутавшееся в темные тучи солнце одним глазом еще косится на землю. На оконце второго этажа деревянного дома вспыхивает отблеск скупого луча;

«Как там себя чувствует Лоренц...» – вспоминает вдруг участковый врач о своей пожилой пациентке, проходя мимо ее дома.

Лоренц бывала у нее обыкновенно по средам. Но вот уже третью неделю старушки не видно. Не слегла ли?... Сердце-то неважное. Женщина она одинокая, а соседи, по ее словам, – сущие изверги.

Майга останавливается, что-то прикидывает в уме, затем отворяет калитку и пересекает двор.

В сенцах темновато. Майга, придерживаясь за шаткие перила, осторожно поднимается на второй этаж. В нос Назойливо лезет запах кислых щей.

– Это вы, доктор? – на верхней площадке из двери высовывается разлохмаченная женская голова – К кому же, у нас вроде бы все здоровы.

Женщина выходит навстречу, вытирая руки о передник.

Страуткалн невольно хмурится. Ее всякий раз передергивало от отвращения в неприбранном жилище Геновевы Щепис, да и сама хозяйка, всегда растрепанная и неряшливая, не вызывала ни малейшей симпатии.

– Я пришла к вашей соседке. Как она себя чувствует?

– Старуха-то? – скривилась Геновева. – Что ей сделается? Такая сама кого угодно до кондрашки доведет. Настоящий антихрист. Слава богу, в последние дни не видать ее.

Страуткалн охватило дурное предчувствие. Наверное, серьезно захворала? Она подошла к двери, громко постучала, но Лоренц не отозвалась.

«Куда-нибудь вышла? – подумалось Майге. – Соседи могли не заметить, когда старушка ушла. Может, в деревню уехала?»

Страуткалн наклонилась и глянула в замочную скважину...

– Дворника! Скорей за дворником! – крикнула она Геновеве.

Дворник прибежал вместе с сержантом милиции. Взломали дверь. Посреди комнаты, опрокинутый стул, на полу кровь и осколки разбитой вазы. Стены тоже забрызганы кровью. Тело Алиды Лоренц лежало на кровати. Оно было прикрыто одеялом и подушками.

Старуха была мертва.

4

Комната для свидетелей, уютom не отличалась: голые стены, узкое окно и старомодные стулья на высоких ножках.

Геновева Щепис уселась в самом углу и оттуда опасно поглядывала. Хоть бы не очень донимали расспросами.

С того раза, когда ее задержали на Центральном рынке, Геновева избегала встреч с представителями власти и при виде милиционера переходила на другую сторону улицы.

Это произошло в прошлом году летом, ближе к осени. Геновева прохаживалась вдоль рядов колхозных грузовиков, стоявших почти вплотную друг к другу, как в гараже.

– Не надо ли хорошую кофточку? – шепотом предложила она свой товар краснощекой пышке, бойко торговавшей яблоками прямо из кузова машины.

– Покажи!

Геновева, воровато оглядевшись, достала из сумки синий шерстяной джемпер.

– Не пойдет, – отвергла ее товар колхозница. – Вот если б красный...

– Есть и красный.

Но Геновева не успела вынуть красную кофту. Кто-то прикоснулся к ее плечу.

– Пройдемте, гражданочка, в отделение! – мужчина в штатском сказал негромко, но твердо.

К счастью, тогда Юзику был всего только год. Не то пришлось бы, наверно, худо.

И вот опять...

Сначала вызывали в милицию. Раз, другой. Заставляли ждать, обдумывать, вспоминать. Потом таскали в прокуратуру. Теперь торчи тут, в суде. Боже милостивый, чем все это кончится!

Геновева погрузилась в невеселые раздумья и даже не услышала, когда ее вызвали в зал суда.

– Свидетель Геновева Щепис! – председатель заглянул в толстый том. – Вы жили по соседству с покойной Лоренц. Что вы можете сообщить по существу этого дела?

Геновева подозрительно посмотрела на председателя.

– Какого дела? Про дела ничего не знаю. У меня никаких дел с ней не было. Не дай бог!

В последних рядах раздались смешки. Председатель с укоризной взглянул на студентов и опять обратился к свидетельнице.

– Что вам известно об Алиде Лоренц?

– Ничего про нее не знаю, – Геновева малость осмелела. – У такой разве чего узнаешь? Пряталась как хорек в своей норе. И комнату всегда на ключ запирала. Сколько лет живем бок о бок, а хоть бы раз к себе впустила. Ни разу.

– Ее посещали родственники или друзья?

– Ах, святые угодники! Да она ни единой живой души к себе не пускала. Одну только докторицу. Еще если кто из домоуправления насчет ремонта или по какому другому делу, и то разговор вела через щелку, дверь на цепочке держала.

Геновева шумно высморкалась.

– Сквалыга распоследняя. За копейку готова была удавиться. А уж с каким скандалом за свет платила – не приведи бог. Один раз через нее у всего дома электричество отрезали. Зато для себя ничего бывало не пожалеет. Всегда у нее за щекой конфета.

Судья хотел уже было направить этот словесный поток в более спокойное русло, но передумал.

– Следовательно вы говорили, что у Лоренц проживали квартирантки.

– И правду говорила, истинную правду. Сперва у нее Мирдза жила, на вид квелая вроде, а сама ух, бедовая девчонка! Ругала старуху на все корки. Бывало, ив космы друг дружке вцепятся. Только старуха все равно верх брала. Мирдза плюнула, собрала пожитки и съехала с квартиры. Для старухи это было все равно что золотой зуб изо рта долой. Другую барышню привела – Тамарой звали. Такая попалась, бедняжка, неприкаянная. Целыми днями все хныкала.

– Сколько времени прожила у Лоренц Тамара? – поинтересовался председатель.

Для точного исчисления срока Геновева призвала на помощь все десять пальцев.

– До осени. Ну да, до осени. Луция, девчонка моя, уже в школу ходила. Завелся у Тамары ухажер, долговязый такой, одевался культурно – импортная куртка у него на скорой застежке. Вроде бы дело пахло свадьбой. Старуха узнала и аж почернела от злости. В тот же день у них чуть до драки не дошло из-за какой-то там юбки. Я чего-то не разобрала – то ли старуха ее сперла, то ли спалила.

Судья постучал карандашом по столу.

– Откуда вам это известно?

Геновева Щепис потупила взор.

– Подслушала за дверью, – вполголоса призналась она.

– Скажите, в последнее время Лоренц жила одна?

Допрос продолжал помощник прокурора Дзенис.

– Что вы, что вы! – замахала руками Геновева. – Сразу после Тамары другая барышня объявилась. Эта была скрытная. Домой возвращалась поздно. Из дому уходила чуть свет, покуда я встану, ее уже и духу нет. Я ее даже и разглядеть толком не успела. И, как звать, не знаю. В последнюю неделю она и вовсе не появлялась. Это, значит, до того, как докторица нашла старуху приконченную.

– Вы присутствовали, когда Лоренц была обнаружена убитой, – сухо напомнил председатель.

– Езус Мария! Этаким страх-то! Ни в жизнь не забуду!

Соколовский показал на закрытую дверь,

– Здесь?

Сержант милиции вытянул руки по швам.

– Так точно, товарищ капитан! – И вполголоса добавил: – Никого туда не допускал. Чтобы следы не запутали.

– Молодец!

Капитан отпер отмычкой дверь и остановился на пороге.

– Приступим, товарищ капитан? – сказал следователь Трубек. Рядом с ширококостным, плечистым Соколовским Борис выглядел совсем мальчиком. Остальные – Генорева Щепис, Майга Страуткалн и понятые – не спешили переступить порог.

Комната была довольно большая, но так заставлена, что негде было повернуться. Массивный круглый стол и под стать ему тяжелые стулья, высокий буфет и широченный комод.

Включайте камеру! – крикнул капитан Соколовский.

У старшего лейтенанта все было наготове и застрекотала кинокамера, фиксируя на пленке обстановку, места, происшествия. Технический эксперт сначала отснял общий вид комнаты и затем каждый отдельный предмет.

Старший инспектор милиции и следователь прокуратуры методически осматривали место происшествия. В первую очередь потолок, затем стены, пол и каждый предмет в отдельности. Шаг за шагом двигались они по кругу, постепенно приближаясь к середине комнаты.

Следователь Трубек изучал содержимое комода. Белое, по виду совсем недавно глаженное белье в ящиках было все переворошено и помято.

– Похоже, здесь здорово порылись, – проворчал он себе под нос.

Судебно-медицинский эксперт приступил к осмотру трупа. Убитая лежала на спине. Врач снял с ее головы подушку. Лицо жертвы представляло собой кровавое месиво. Геновева Щепис с криком ужаса выбежала из комнаты. Майга Страуткалн брезгливо отвернулась.

– Шесть-восемь ударов тяжелым тупым предметом, – констатировал эксперт. – По всей вероятности раздроблены кости черепа.

– Когда наступила смерть можете сказать? – спросил капитан Соколовский.

– Примерно неделю тому назад.

– Вполне возможно, – согласился Соколовский. – Но неужели никто во всем доме ничего не видел, не слышал? Где соседка?

Сержант привел Геновеву Щепис. Она уже успела запереться в своей комнатухе.

Соколовский показал на кровать.

– Когда вы ее видели последний раз?

Геновева молчала. В конце концов с трудом произнесла:

– В среду. На прошлой неделе. Я стирала на кухне, дверь была открыта. Лоренц, наверное, в лавку пошла, у нее был в руках бидон. Больше не видела.

– В тот вечер крик не слышали? – задал вопрос Трубек. – Или, может, на другой день?

Геновева отрицательно покачала головой.

– Я слышал, – неожиданно раздался хриплый голос.

Все оглянулись. У двери стоял дворник и мял в руках фуражку:

– Когда это было? – спросил следователь.

– В прошлый четверг... Ко мне аккуратно свояк приехал. Сидели за полночь. Он как раз собрался идти домой, как наверху кто-то закричал страшным криком. И жена тоже слышала. Еще сказала: «Небось Геновева опять со старухой Лоренц схватилась».

– В четверг? – Соколовский поглядел на судебно-медицинского эксперта. – Восемь дней.

Врач утвердительно кивнул.

– Очень может быть.

Капитан повернулся к Геновеве.

– Где вы были в четверг ночью?

– Дома. Ночью я всегда дома.

– И вы утверждаете, что ничего не слышали?

– Бог свидетель, ничегошеньки не слыхала. Может, за полночь что и было, да я сплю крепко.

– Странно!

– Что и говорить, – согласился Трубек.

Он исследовал с помощью лупы обои над кроватью. Из курса криминалистики Трубек знал, что брызги крови на вертикальных поверхностях могут иметь различную форму: Так, например, пятнышки, смахивающие на головастики с задранными хвостиками, свидетельствуют о том, что капли падали под углом сверху вниз. Однако эти мелкие темные пятнышки по большей части походили на маленькие, перевернутые наоборот парашютики и цилиндрики.

– Н-да, кровь брызнула снизу вверх, – пришел к заключению молодой следователь. – Можно предположить, что пострадавшей наносили удары, когда она была в лежащем положении.

– А вот и предмет, которым били, – отозвался Соколовский. – Тупой и тяжелый.

За шкафом валялся измазанный кровью кирпич.

– Как по-вашему, доктор?

– Вполне возможно, – согласился эксперт. – В ранах я обнаружил крупинки кирпича.

Соколовский удовлетворенно потер руки – вот и найден конец ниточки. Пока она еще очень тонкая, но тем не менее нить.

– Шамиль, будь ласков, сфотографируй на память этот драгоценный камушек. И упакуй как вещественное доказательство.

Трубек почесал за ухом.

– Да, но откуда тут взялся кирпич?

– Бес его знает, – пожал плечами Соколовский.

– У нее керосинка всегда стояла на кирпиче, – заметила Майга Страуткалн.

– Вы это знаете точно? – повернулся к ней капитан.

– Да, – подтвердила Страуткалн. – Я много раз бывала по вызову у Лоренц и говорила ей, чтобы не держала керосинку в комнате, а вынесла на кухню. Но больная упрямилась: так ей было удобней.

Соколовский посмотрел, как технический эксперт аккуратно запаковывает кирпич в коробку из-под торта.

– Ну так, – негромко сказал капитан Трубеку, отозвав его в сторонку. – Давай присмотримся к фактам, как говаривала моя дорогая тетушка, глядя в газету. Мистер Икс явился безоружным. Отсюда вытекает, что убийства он заранее не замышлял. За этим круглым столом состоялись дружеские переговоры. Предположим, о предоставлении долгосрочного кредита. Однако в ходе дебатов возникли разногласия по какому-то пункту, допустим, по поводу размеров суммы. Это привело к конфликту, и одна сторона нанесла удар другой стороне вот этим кирпичом. Нам же остается только выяснить несущественную деталь – кто был этот таинственный посетитель.

Трубек запустил пятерню в свой лохматый чуб.

– Я бы не стал торопиться с подобной версией, – задумчиво протянул он. – Ив особенности потому, что жертва в момент убийства находилась в постели.

Старший лейтенант с ехидцей заметил:

– Молодец, Борис! Вот видишь, Виктор, что значит учиться в институте.

Но не так просто было сбить с панталыку бывшего капитана.

– А это и не версия, а рабочая гипотеза, – уточнил он и перенес все внимание на раскрытый платяной шкаф. – Товарищ Страуткалн, вы не припомните, вся ли здесь одежда, которую вам случалось видеть на убитой?

Врач подошла к шкафу и стала нехотя перебирать висящие на плечиках платья, кофты и прочие вещи.

– Трудно сказать. Я тут не вижу зимнего пальто. У Лоренц было коричневое, с воротником из цигейки. Нет синего костюма и зеленого шерстяного платья, в котором она ходила в поликлинику.

– А не было ли у Лоренц драгоценностей? – поинтересовался Соколовский. – Вы у нее ничего такого не замечали?

– Не имею ни малейшего представления. Напротив, по-моему, Лоренц жила очень скудно. Как-то раз жаловалась, что даже на лекарства не хватает денег.

– Тем не менее имела счет в сберкассе. – И инспектор вынул из шкафа серую книжечку. – Сто сорок девять рубликов...

В этот момент шкаф шевельнулся и начал медленно двигаться к середине комнаты. Соколовский и Страуткалн отскочили в сторону.

– Помогите! – раздался за шкафом голос Трубека. – Или хотя бы не стойте на дороге. Здесь есть дверь в другую комнату.

Соколовский потрогал полоски бумаги, которыми были заклеены щели в двери.

– Придется сделать экспертизу.

– А это что за чудеса! – эксперт выудил из-под шкафа листок тетрадной бумаги с нарисованными на ней черепом и перекрещивающимися костями.

Соколовский взял бумажку.

– Тайны тысячи чертей и одной ведьмы. Детективный роман в четырех частях. Не хватает только подписи «Фантомас», и сразу стало бы ясно, кто убийца.

– Это она, сама старуха Лоренц, рисовала, – тут же стала плаксиво оправдываться Геновева Щепис. – Она мне всегда под дверь подсовывала такие картинки.

– Очень романтично, – посочувствовал капитан. – А вы на чем же отыгрывались? Что ей подсовывали вы? Быть может, вот это? – И он поднял с пола окурок папиросу.

Технический эксперт взял находку пинцетом, – Визитная карточка, нетипичная для женщины. Прикус скорей всего мужской. В лаборатории уточним.

– Вот, я все-таки нашел роман. – Трубек протянул. Соколовскому книжку в желтом переплете.

– «Катапульта», – прочитал инспектор вслух. На титульном листе стоял штамп библиотеки. – Здорово!.. Оказывается, старушку интересовали актуальные проблемы современной молодежи. Как вам это нравится доктор? Василий Аксенов.

Страуткалн стояла возле комода и разглядывала хобот металлического слоника..

– Сомневаюсь, – смущенно отозвалась женщина. – Вряд ли она много читала. Моя пациентка жаловалась на зрение.

– Оригинальная штучка, – Трубек взял слоника и тщательно, осмотрел со всех сторон.

– Антикварная вещица, – заметила Майга Страуткалн, – Слоник всегда стоял вот тут на комод. Но, помнится... у него был отломлен хвост. А этот цел и невредим.

– Может быть, снова отрос, – пошутил Соколовский. – В природе разные бывают чудеса. А теперь, товарищ следователь, напишем протокол осмотра места происшествия. Садись, Борис, тут ведь начальник ты.

5

Голубой «Запорожец» резко затормозил у здания суда. Майга Страуткалн, в нетерпении ожидавшая мужа, подбежала в машине.

– Где ты был так долго, Эдвин? Сейчас тебя вызовут!

Эдвин Страуткалн с невозмутимым спокойствием оглядел себя в зеркальце, провел расческой по белокурым волосам и разгладил брови. Высокий лоб, прямой, с небольшой горбинкой нос и глубоко посаженные, искрящиеся глаза давали ему повод считать себя интересным мужчиной. Он неторопливо вышел из машины, тщательно запер дверцы и направился к парадному.

– Ну как там дела? – равнодушно спросил он.

– Сегодня допрашивали соседей и дворника. Знаешь, Эдвин, я ничего больше не понимаю. Всегда считала себя хорошим психологом. Но эту несчастную женщину я все-таки не раскусила. Кое-какие странности я за ней замечала, однако...

– В ее возрасте это бывает, – заметил Эдвин.

– Сегодня о ней высказывали свое мнение несколько человек, – продолжала Майга. – О покойниках не принято говорить плохо. Тем не менее должна сказать, что моя пациентка была на редкость злой и нелюдистой. Какая-то отщепенка...

– Таких тоже на свете немало.

С подчеркнутой галантностью Эдвин распахнул перед женой дверь, пропуская ее первой.

– Ты сегодня удивительно хороша. Была в парикмахерской?

Майга вспыхнула.

– Благодарю за комплимент, но он неуместен. Неужели тебя совсем не интересует этот суд?

– Больше всего меня интересует, чтобы всегда была прекрасной моя жена.

– Пустомеля!

– Теперь моя очередь благодарить за комплимент.

Они остановились перед дверью зала заседаний.

– Перестань, Эдвин, дурачиться. Ты же знаешь – я впервые в жизни на суде. Странная вещь: я всегда себе представляла прокурора невероятно строгим и желчным старцем с громовым голосом и парализующим взглядом питона. А этот ничего похожего! Даже иногда улыбается.

– Свидетель Страуткалн! – выкрикнул кто-то.

Эдвин открыл дверь и вошел в зал.

Председатель медленным движением снял очки и пристально смотрел на Страуткална, пока секретарь записывала в протокол имя и фамилию свидетеля.

– Где вы работаете? Должность?

– В научно-исследовательском институте. Старший инженер.

– Что вам известно по делу об убийстве Алиды Лоренц?

– По сути, ничего, – пожал плечами Эдвин.

– Вы были на месте происшествия?

– Нет, там была моя жена.

– Вы знали Алиду Лоренц?

– Нет, не знал.

Судья принялся листать дело.

– Возможно, у прокурора есть вопросы?

Роберт Дзенис подался вперед.

– Пожалуйста, расскажите суду, когда и при каких обстоятельствах вам угрожали?

– Это произошло на третий вечер после того, как убийство было обнаружено. Около одиннадцати вечера позвонил телефон. Жена сняла трубку, и я заметил, что она побледнела. Какой-то незнакомый человек грозил рассчитаться с Майгой, если она будет вмешиваться в расследование убийства Лоренц. На следующий вечер звонок повторился. На этот раз трубку снял я. Мне велели передать жене, чтобы она не вздумала впутаться в эту историю. Не то будет плохо. Мол, в Риге хватает темных закоулков.

– Что вы на это ответили?

– Сказал, что сообщу в милицию.

– И сообщили?

– Да, жена поставила в известность прокуратуру.

– Том первый, сорок третья страница, – повернулся к судьям адвокат.

Дзенис продолжал:

– По всей вероятности, жена вам подробно рассказывала о происшествии на улице Вай-рога?

– Разумеется, мы ничего не скрываем друг от друга. Тем более такой кошмарный случай.

– Быть может, вам известно, с кем еще она об этом говорила?

– Не знаю. Возможно, с приятельницами или с сослуживцами.

– Есть еще вопросы? – Председатель закрыл толстые папки с материалами дела и сложил их в стопу. – Нет? Тогда объявляю перерыв.

6

Ярко-желтый «Икарус» с шумом и ревом мчится по широкому асфальту улицы Ленина. Остались позади радиозавод и вагоностроительный. По обеим сторонам улицы потянулись, словно солдаты в почетном карауле, липы, клены и тополя.

На берегу Чертова озера асфальтовая лента делает петлю. Здесь конец маршрута. Дзенис выходит и, шурясь от яркого света, озирается по сторонам. Давненько он тут не бывал. Вокруг озера тоже выросли многоэтажные дома, как близнецы похожие друг на друга, Попробуй-ка сориентируйся. Еще хорошо, что старший лейтенант нарисовал план.

Дзенис поднимается на третий этаж и нажимает кнопку звонка. Дверь открывает статная блондинка. Она в нарядной пижаме. Аромат хороших духов. Роберт невольно делает шаг назад и с поклоном снимает шляпу.

– Я хотел бы видеть капитана Соколовского.

– Он дома. Входите, пожалуйста. Снимайте пальто.

У женщины низкий голос приятного тембра. Она слегка картавит.

Увидев Дзениса, Соколовский вскакивает с дивана.

– Привет, старик! Не верю своим глазам.

Судя по выражению лица, капитан искренне рад неожиданному гостю.

– Осмелился нарушить твой домашний покой. Видишь ли...

– Молодец, что пришел, Роберт. Как ты меня тут разыскал?

– Шамиль дал мне твой новый адрес. Я его видел в суде.

Дзенис с интересом разглядывает уютную комнату. Легкая мебель расставлена несимметрично, в углу небольшой шкафчик-бар. На светло-зеленых, теплого оттенка стенах развешаны глиняные маски и вазочки с цветами.

Хозяйка поправляет на голове ярко-алую ленту, огненным кругом охватывающую светлые локоны.

– Да, я же вас не представил друг другу, – спохватывается Соколовский. – Познакомьтесь. Женщина подает узкую холеную руку, ногти покрыты пунцовым лаком.

– Янина Цыбульска.

– Очень приятно. Дзенис.

Сколько ей лет? Румяные щеки, крупные, чуть подведенные глаза светятся вроде бы совсем еще молодым задором. На шее, однако, уже видны предательские морщинки. Такие у женщин обычно появляются годам к сорока.

– Я пойду приготовлю вам что-нибудь на ужин, – Янина отправляется на кухню.

Яркая женщина, – говорит Дзенис, провожая взглядом хозяйку. – Где тебе посчастливилось ее пленить?

– Представь себе – в парикмахерской. Недалеко от нашего управления. Там и познакомились.

– И ты сюда переселился окончательно?

– Думаю, что да. Три месяца уже пролетели.

Роберт Дзенис внимательно изучает книжную полку.

– А как ты решил с Алиной и детьми?

Соколовский пожимает плечами и хмурится.

– Что поделать? Буду о них заботиться.

– Ладно, ладно, – Дзенис чувствует, что задал неуместный вопрос, и круто меняет тему. – Не подумай, что я хочу нотации тебе читать... Понимаешь ли, судебное разбирательство подходит к концу. Завтра я должен поддерживать обвинение. И тем не менее кое-какие обстоятельства не выяснены. Кое-где концы с концами не сходятся.

Соколовский несколько деланно усмехается.

– Ты что, опасаясь, как бы судья не вернул материал на исследование?

– Наоборот.

– Тогда я тебя не понимаю.

– Видишь ли, я не имею права поддерживать обвинение, если сам сомневаюсь...

– Чепуха, – перебивает его Соколовский. – Я тебя знаю, Роберт! Ты сейчас начнешь толковать о внутренней убежденности, не замкнувшейся цепи доказательств и о том, что любые сомнения в пользу обвиняемого. На сей раз» дорогой мой, все проще: наша птичка в самом начале прямо и откровенно во всем призналась. Я сам...

– Потому-то я и отмахал такой конец, чтобы ты мне рассказал, как это произошло. Ты же, можно сказать, герой этого дела.

Соколовский расплылся в самодовольной улыбке.

7

С утра в городской библиотеке посетителей было сравнительно мало. Потому-то Лаума, обслуживавшая абонемент, сразу обратила внимание на рослого широкоплечего мужчину в драповом пальто. Лаума знала в лицо почти всех постоянных читателей библиотеки, а этого видела впервые.

Человек неловко огляделся по сторонам, затем решительно направился к столу выдачи.

– Девушка, – обратился он к Лауме, – не откажите в милости... спасти мою жизнь!

Лаума удивленно подняла брови.

– Как это понимать – в прямом или в переносном смысле?

– В любом!

Незнакомец оперся руками на стол и заговорщицки прищурился.

– Я сидел тут неподалеку в кафе. За одним столиком увидел девушку. Настоящий ангел! Рыжеватые волосы, ресницы – прямо как веера. Я уже стал соображать, как бы с ней познакомиться, но мой ангелок вдруг расправил крылышки и упорхнул.

Лаума изобразила на лице сочувствие.

– Ай-ай-ай, какая досада! Я только не понимаю, почему вы решили обратиться ко мне. Вроде бы я и не рыженькая, и ресницы у меня на веера не похожи.

– Все зависит от вас, – странный посетитель достал из кармана пальто желтую книжицу. – Дело в том, что она в спешке забыла на стуле свою книгу. На ней штамп вашей библиотеки.

– И вы решили оказать ей бескорыстную услугу?

– Почти угадали. Только мне еще надо выяснить, где проживает эта девушка.

Лаума взглянула на книжку.

– «Катапульта», Василий Аксенов. Сейчас посмотрим.

Она покопалась в картотеке и вынула учетную карточку.

– К сожалению, должна вас огорчить. Книга выдана Скайдрите Бебре. Помню эту девушку. Довольно симпатичная. Но ее внешность совсем не отвечает вашему идеалу. Нет у нее ни рыжей гривы, ни вееров-ресниц.

– Дорогая, сегодня химия и накладные ресницы преобразают женщину в мгновение ока до полной неузнаваемости.

– Улица Лугажу, общежитие Рижского строительного треста. Надо сказать, ваша симпатия очень неаккуратный человек. Книгу надо было сдать еще два месяца назад.

– Обещаю вам с ходу взяться за перевоспитание Скайдрите. Уверен, в кратчайший срок она станет образцовой читательницей. И большое вам спасибо за адрес.

В переулке капитана Соколовского поджидал милицейский «газик».

– Поехали на Лугажу! – сказал шоферу капитан.

– Вам кого? – спросила пожилая дородная женщина, вскидывая на пришельца сердитый, недоверчивый взгляд.

Голос у нее был скрипучим, словно немазаная калитка.

Тот вежливо и тихо ответил:

– Мне бы хотелось видеть коменданта.

– Я комендант. Что надо?

– В вашем общежитии проживает Скайдрите Бебре?

– Проживает. Ну и что из этого?

– Я ее двоюродный брат.

Женщина поднялась со старомодного кресла, красная плюшевая обивка которого местами протерлась уже насквозь. На посетителя она двинулась решительно и грозно, как атакующий танк.

– Видала я таких братьев, у которых в каждом кармане по бутылке.

– Да что с вами, мамаша! У меня хронический гастрит и холецистит. Я и наперстка не смею выпить, а вы – бутылка.

Непонятные слова сбили тетку с панталыку. Но сдавать позиции она не собиралась.

– Ходят тут всякие, к девкам шьются. Вот как вызову сейчас милицию!

Этим испытанным приемом комендантша надеялась обратить противника в бегство.

Но мужчина даже не шелохнулся в ответ на ее угрозу.

– Зачем же так сразу милицию? Я взаправду двоюродный брат Скайдрите. Вчера приехал из Айнажей. Привез гостинцы и привет от Тети. Вы не беспокойтесь, й только на минутку.

Комендантша не нашлась, что возразить, но и уступать ей так легко не хотелось.

– Сперва все овечками прикидываются... Ладно, на пять минут... Сорок шестая комната на третьем этаже. И чтоб без баловства.

«Вот цербер! – думал Соколовский, поднимаясь по лестнице. – Фельдфебель в юбке, форменный жандарм!»

В просторной светлой комнате стояло четыре койки. Дома оказались только две девушки. Капитан остановился в дверях и вежливо снял кепку.

– Мне нужна Скайдрите Бебре.

Курносая девушка в светлых спортивных брюках и кофточке с удивлением уставилась на незнакомого мужчину.

– Это я... Но я вас не знаю.

– Я из библиотеки.

Девушка вспыхнула.

– Вы, наверно, за книгой. Садитесь, пожалуйста.

– Да, я пришел за книгой. Срок сдачи истек два месяца тому назад.

Скайдрите медленно села на кровать и опустила руки.

– Что делать? Нет у меня этой «Катапульты». Дала Зенте почитать, а она больше носу не кажет.

Незнакомец разглядывал коврик над кроватью.

– Что за Зента? Подружка? И вы даже не знаете, где ее разыскать?

– В том-то и беда, что не знаю. Она почти год прожила тут, как приехала из деревни. Мы вместе работали на стройке.

– А потом сбежала, – как бы подсказал мужчина. – На строительстве работа трудная. Девочка не выдержала и смоталась назад к мамаше.

– Да нет же, Зента не белоручка, работы не боится. Просто познакомилась с каким-то типом. Никто из наших девчонок не видел этого парня, но, говорят, он намного старше ее. Наверно, это он и сбил Зенту с пути.

– Почему вы так думаете?

– Да так. Вдруг работа маляра стала ей неподходящей. Начала искать почище и чтобы платили побольше. Наверно, нашла, раз бросила в прошлом месяце работу.

– И из общежития тоже ушла?

– Конечно. Говорила, койку у какой-то старушки сняла. Адрес не оставила и книжку не вернула. А еще считалась подругой. Я даже не знаю, как теперь быть.

– Волноваться не надо, – успокоил девушку гость. – Давайте лучше подумаем, что нам делать с этой бесшабашной Зентой. Как ее фамилия?

– Саукум. Зента Саукум.

Мужчина как-то сдержанно встrepенулcя.

– Хорошо, все будет в порядке. Я это дело улажу. А вы, Скайдрите, можете смело ходить в библиотеку. Там работает симпатичная девушка. Будет вам давать хорошие книжки.

Он подал на прощанье руку.

– Благодарю вас, большое спасибо. Обязательно приду.

Открывая дверь, капитан Соколовский чуть не сбил с ног сердитую комендантшу.

– Ведь божился, что на пять минут, – недовольно проворчала она. – С виду вроде порядочный человек, а обманываешь. Все вы теперь, мужчины, такие.

Настроение у Соколовского было отличное, и он добродушно пошутил:

– Не надо сердиться. От этого красота вянет. Вы же весь наш разговор подслушивали. И знаете, что ничего, худого я вашей девушке не сделал. Так ведь?

Женщина опешила, а когда пришла в себя, Соколовского уже и след простыл.

На улице он замедлил шаг, сдвинул шляпу на лоб и задумчиво поскреб затылок.

«Ну так. Теперь ясно, кто была эта таинственная квартирантка Алиды Лоренц. Остается только разыскать эту девушку».

Прибавив шагу, Соколовский свернул за угол.

8

Рабочий день в Управлении внутренних дел давно начался, когда капитан Соколовский, входя в служебное помещение, резко распахнул дверь. – Шеф у себя?

Долговязый старший лейтенант сидел за письменным столом и мирно чистил пистолет.

– Не стоит рисковать. Старик зол как черт. – Он кивнул на дверь кабинета. – Всю ночь просидел в засаде, а «крестник» так и не явился.

– Волков бояться – в лес не ходить! – подмигнул старшему лейтенанту Соколовский и осторожно приоткрыл дверь.

– Разрешите, товарищ подполковник?

– Входите!

Подполковник милиции Крастынь сидел за письменным столом и просматривал оперативные донесения. Начальник отдела уголовного розыска пробежал глазами листок за листком и некоторые места подчеркивал красным карандашом, писал резолюции, делал пометки в настольном календаре.

– Ну-с, давай выкладывай! – с холодком в голосе произнес подполковник, не глядя на Соколовского. Тот молча сделал шаг вперед и положил на стол рапорт.

– Разрешите поехать в командировку!

Начальник отдела оторвал взгляд от бумаг и с интересом посмотрел на капитана.

– Опять в командировку. Это, что ли, по делу Лорренц?

– Так точно, товарищ подполковник.

– Куда же?

– В Норильск.

Подполковник взял папиросу и закурил. Седую голову окутало почти непрозрачное облако дыма. Когда оно рассеялось, начальник отдела жестом предложил Соколовскому сесть. Усталые глаза рассеянно смотрели куда-то вдаль.

– Доложите о ходе расследования.

– Выяснил в общежитии имя и фамилию девушки, навел справки в нашем адресном столе, – начал Соколовский. – Сакум действительно была некоторое время прописана на улице Лугажу. А куда выбыла – отметки нет.

Подполковник откинулся на спинку кресла. Веки его были плотно прикрыты, и несведущему могло показаться, что он заснул. Однако Соколовский проработал много лет со своим начальником и знал, что тот внимательно слушает. И потому уверенно продолжал:

– Собрал сведения в отделе кадров Рижского строительного треста, узнал адрес матери. Мария Сакум проживает в совхозе, в Валмиерском районе. Оттуда год назад и приехала Зента в Ригу.

– Вы только нынче утром вернулись из Валмиеры?

– Так точно. Канители было много. Не хотелось пугать мамашу. Применил обходной маневр. Первым делом завел дружбу с почтарем – большой охотник выпить. За бутылкой старикан разговорился. Надо сказать, он в курсе дел всех окрестных жителей. От него я узнал, что Мария Сакум на днях получила письмо из Норильска.

Подполковник сидел неподвижно.

– Он убежден в том, что письмо было именно от дочери, от Зенты?

– Мария Сакум, по его словам, ни с кем переписку не вела. Почтальон хорошо запомнил штамп норильской почты. Он еще сказал, что, когда мать читала письмо, вид у нее был встревоженный.

Начальник отдела встал, подошел к окну, посмотрел на улицу.

– Стало быть, по-вашему, Зенту Сакум надо искать в Норильске?

– Считаю, что надо ехать в Норильск. Пока что это единственная возможность напасть на ее след.

– А если почтальон наболтал?

– Товарищ подполковник, я что, по-вашему, совсем уж лопух? На другое утро пошел на почту. Сортировщица тоже помнит это письмо. Более того, она узнала почерк на конверте. Такие же письма раньше приходили из Риги.

Подполковник по-прежнему стоял у окна.

– Хорошо, капитан, допускаю, в Норильске вы отыщете эту Зенту. А дальше?

– Девушка, несомненно, знает многое. Я уверен. Иначе она не бросила бы работу с такой поспешностью и не скрылась. Этот неожиданный рывок на Крайний Север очень похож на бегство.

Крастьинь вернулся к столу. Взял рапорт Соколовского и наложил резолюцию.

– Ладно, поезжайте. Я сейчас свяжусь с Норильском по прямому проводу. Когда вылетаете?

– Сегодня ночью.

– Тогда попутного ветра тебе, Виктор!

Он сердечно пожал Соколовскому руку.

Сотрудники Управления внутренних дел гостеприимно встретили своего коллегу из далекой Риги. Им уже удалось выяснить, что Зента Сакум действительно недавно поселилась в Норильске. Работает на горнорудном комбинате, живет в общежитии. Прописана девятнадцатого октября, приблизительно неделю спустя после убийства Лоренц.

– Мне необходимо срочно допросить эту девушку, – уточнил свои намерения Соколовский.

– Можем доставить хоть сейчас, – предложил начальник уголовного розыска и отдал приказание младшему лейтенанту: – Петя, садись в машину и кати в общежитие. Если там не застанешь, давай прямо на комбинат. Ясно?

Не прошло и часа, как лейтенант привел невзрачную худенькую девушку. Остроносое личико с большими темными глазами, с тонкими, как бы в удивлении поднятыми вверх бровями, пухлым ртом обрамлял толстый шерстяной платок, завязанный сзади на шее узлом. Худые ноги, свободно болтавшиеся в непомерно больших валенках, казались от этого еще тоньше...

– Лабвакар, Зента! – поздоровался Соколовский с девушкой по-латышски.

Она вздрогнула.

– Присядь, малышка, – фамильярно продолжал капитан. – Давай поговорим. Я ведь специально приехал из Риги, чтобы спросить у тебя, за что ты уколошила Алиду Лоренц.

Зента вмиг как-то съежилась и опала.

– Я не хотела, не думала... Честное слово, я сама не знаю, как все случилось...

Соколовский опешил. Такого поворота дела он не ожидал. Все, что угодно, но не признание в убийстве.

Капитан был убежден, что внезапный отъезд девушки связан с таинственным происшествием на улице Вайрога, что ей многое известно. Он рассчитывал с помощью Зенты напасть на след преступника и потому надеялся, что такое вот неожиданное обвинение сразу развяжет, девчонке язык. Это был испытанный и нехитрый психологический прием. Нередко человек, став очевидцем тяжкого преступления, в первую очередь пробует скрыться. Замыкается в себе и, трясаясь от страха, выжидает развязки. Когда же нагрянет опасность, то срабатывает инстинкт самосохранения. Спасая свою шкуру, он в отчаянии выдает участников преступления, не щадя даже самых близких людей. Соколовский только на это и рассчитывал. Ему и в голову не приходило, что эта девочка сама могла убить Алиду Лоренц.

Капитан быстро взял себя в руки.

- Рассказывайте все по порядку. Во-первых, кто вам предложил снять койку у Лоренц?
- Никто. Я сама.
- А может, все-таки ваш друг или знакомый?
- Нет у меня друга.
- Это неправда. Вы сами рассказывали девушкам о-своем парне.
- Рассказывала, – созналась после паузы Зента. – Потому что они все время дразнили меня старой девой. Я и придумала, будто у меня тоже есть друг лишь бы они отвязались. Хотя верьте, хоть не верьте, но ни одна из наших девчонок его ни разу не видала;
- Верно. Чего не было, того не было, – согласился Соколовский. – А как вы познакомились с Алидой Лоренц?
- Совсем случайно, у доски объявлений. Плохо мне было в общежитии. К девчонкам приходили знакомые ребята. Иногда гулянки устраивали... Я училась в вечерней школе и не могла готовить уроки при таком шуме.
- Но первым делом вы ведь бросили работу.
- Так получилось. Не по силам была мне эта работа. Подвернулась возможность поступить ученицей в шляпную мастерскую. Специальность подходящая, и зарабатывать можно прилично.
- Ответы Зенты звучали правдиво.
- Что же было дальше? Стали враждовать с хозяйкой квартиры?
- Никакой вражды не было. Это вышло нечаянно.
- Нечаянно убили человека?
- Лоренц была жутко вредной старухой. Никогда ей было не угодить. За койку драла большие деньги и еще придиралась на каждом шагу. Я терпела сколько могла, старалась ей не перечить. Боялась остаться на улице.
- Зента поджала губы.
- Расскажите про тот вечер.
- Я в тот день пришла домой очень усталая. С ног прямо падала. Да еще схватила двойку за контрольную по математике. И так было тошно, а хозяйка принялась мне мораль читать. Я не выдержала...
- И взялись за топор.
- Нет, я стала на нее кричать. Первый раз в жизни выругалась и велела ей заткнуться. И еще пригрозила, что, если не замолчит, хвачу ее чем-нибудь.
- А она? Показала на дверь?
- Стояла посреди комнаты и трясла кулаками. Обзывала меня всякими словами, грозила на работу пожаловаться. А потом... Сама не знаю, как у меня в руках оказался кирпич. Я не хотела ее ударить, честное слово, – понурилась Зента. – Ей-богу, не хотела. Сама не понимаю...
- На капитана смотрели влажные, до смерти перепутанные глаза.
- И потом выбросили кирпич в окно?
- Нет, за шкаф кинула.
- А почему окно осталось открыто?
- Не знаю, уже не помню. Может, окно было, открыто, не заметила. Только я его не открывала. Лоренц никогда не давала открывать окно, не позволяла проветривать комнату.
- Что же было потом?
- Со страху накидала на хозяйку сверху одеяла и подушки, взяла свой чемоданчик и бросилась бежать.
- Перед тем как уйти, в шкафу или в комодке что-нибудь искали?
- Да, свою одежду забрала.
- Но из шкафа исчезли кое-какие вещи Лоренц?

– Да что вы! К чужому я никогда даже не прикасалась!

– Впопыхах дверь, наверно, не заперли.

– Н-нет, не может быть, – подумав, возразила Зента. – Нет, нет, заперла. Я это хорошо помню. Потом всю ночь проходила по улицам. Как помешанная была. Несколько раз хотела пойти в милицию, но не осмелилась. На другое утро взяла расчет и уехала в Москву. Оттуда полетела в Норильск. Старалась уехать как можно дальше.

Наступило гнетущее молчание. На чистом бланке протокола капитан Соколовский задумчиво рисовал чертиков. Одного, другого, третьего... Словно проверяя себя, он мысленно сопоставлял факты. Картина убийства, столь отчетливо нарисованная Зентой Саукум, соответствовала тому, что он видел своими глазами в квартире Алиды Лоренц. Сваленные на труп одеяла и подушки, кирпич за шкафом, раскрытый комод, запертая дверь комнаты...

Однако капитан не испытывал профессионального удовлетворения, всегда сопровождающего раскрытие тяжелого преступления. Напротив, он ощущал разочарование. Вместо матерого бандита перед ним стояла худышка с большими детскими глазами. Что поделать, бывает в жизни и такое...

– Отправитесь со мной в Ригу, – объявил о своем решении капитан. – Или будем оформлять арест официально?

Зента поняла.

– Не сбегу. Все равно разыщете.

– Ладно, тогда поехали в общежитие за вещами.

9

Зал суда был набит до отказа. У самых дверей даже нельзя было различить лица людей – они сливались в одну сплошную гудящую массу.

Сегодняшнее заседание обещало быть интересным. Свидетели уже были допрошены, эксперты подтвердили свои заключения, подсудимая призналась в содеянном преступлении. Публика с нетерпением ожидала обвинительной речи прокурора.

На последних скамьях студенты с юридического сдвинули головы вместе. Девушка с русыми косичками торопливо листает «Уголовный кодекс».

– Пожалуй, точнее будет квалифицировать как особо жестокое убийство.

Худой и длинный юнец полностью с ней согласен:

– Конечно, Миллия. Зверское убийство, жесточайшее. Кирпич-то ведь был такой жесткий!

– Эх вы, лопухи, наверняка это будет убийство в состоянии сильного душевного волнения, – включается в разговор брюнетка в очках.

– А может, убийство при самозащите или по неосторожности, – робко высказывает свое предположение еще кто-то.

Адвокат Робежинек явно скучает. Он больше не смотрит на публику, а, поджав губы, что-то рисует в своем блокноте.

Через полуоткрытые двери народ помаленьку протискивался в зал и толпился в проходах.

Разговоры внезапно смолкли. В зале суда мгновенно воцарилась напряженная тишина. Все взгляды обратились на боковую дверь. На пороге возник дюжий широколицый милиционер. За ним семенила щупленькая девушка. Рядом со своим стражем Зента Сакум выглядела и вовсе ребенком. Жиденькая челка прикрывала и без того невысокий лобик. На худом личике была написана покорность неотвратимой и жестокой судьбе.

Девушка послушно прошла к отгороженной барьером скамье подсудимых. Мгновение поколебавшись, опустилась на нее. Сидела одинокая и поникшая.

Затуманенный взгляд Зенты бесцельно блуждал по коричневым стенам, по ребристым сводам потолка, покуда не застыл на тяжелой дубовой люстре с лампами в виде свечей. Казалось, девушка лишь сейчас окончательно поняла, где находится.

Темная туча заслонила солнце, и в зале стало сумрачно, но ненадолго – спокойный, ровный свет вскоре опять залил переполненное помещение.

Прокурор бросил на подсудимую короткий взгляд, который задержался на миг на ее лице и соскользнул в сторону. На лбу государственного обвинителя собрались глубокие складки.

Дзенис медленно встал и заговорил спокойно, как бы размышляя вслух. Его голос постепенно становился громче, каждое слово падало камнем в тревожную тишину.

– Мы заслушали показания свидетелей, заключения экспертов. Признание подсудимой Сакум, казалось бы, объективно совпадает с другими обстоятельствами дела. Однако если углубиться в его сущность, то возникает ряд вопросов, на которые следствие не дало ответа, Зента Сакум точно описала место происшествия. Не подлежит сомнению то, что она там была. Очень вероятно, что она является соучастницей преступления. Однако нет бесспорного доказательства того, что убийство совершила она. Подсудимая призналась. Но ведь всякому юристу известно, что признание не является доказательством вины, если оно не находит иных убедительных подтверждений.

Голос прокурора звучал сурово и с оттенком горечи.

– Обвинение зиждется в основном на показаниях самой Зенты Сакум, – продолжал Дзенис. – Но они идут вразрез с неоспоримыми фактами, а стало быть, вызывают сомнение. Обвиняемая утверждает, что нанесла Лоренц удар кирпичом посреди комнаты. Однако пятна на

стене говорят о другом: Лоренц убита в постели. Когда опергруппа прибыла на место происшествия, окно в комнате не было заперто на задвижку. Если же верить Сакуму, то ни она, ни Лоренц его никогда не раскрывали. В довершение всего исчезла наиболее ценная одежда убитой. Обвиняемая утверждает, что вещи она не трогала. Ложь? Не исключено. В таком случае каким же ее показаниям можно верить?

Дзенис на мгновение умолк, и в жаркой тишине зала был слышен лишь скрип пера судьи. Люди словно боялись пошевелиться. Обе старушки возле окна так и застыли с раскрытыми ртами. Притихла даже неукротимая студенческая «камчатка». Ребята с любопытством вытянули шеи, предчувствуя неожиданный поворот в ходе судебного процесса. Однако обвиняемая, кажется, не отдавала себе до конца отчета в том, что происходит вокруг.

– Цепь доказательств не замкнута, – продолжал Дзенис. – Отсутствует ряд важных звеньев. Ввиду этого я не имею права назвать Зенту Сакуму убийцей. Не исключено, что за ней стоит один или даже несколько преступников, которые завтра будут угрожать жизни других людей. Не исключено также, что обвиняемая боится назвать их имена.

По рядам пробежал ропот удивления. Дзенис невольно повысил голос.

– Товарищи судьи, мой долг исчерпать истину до последней капли. Посему прошу передать материалы дела на: следствие в прокуратуру.

Дзенис сел. Вид у него был усталый.

Зента Сакум подняла влажные, полные отчаяния глаза на прокурора. Она дышала тяжело, будто взвалила на себя непосильный груз. Потом сторбилась и уронила голову на грудь.

Глава 2

1

В этом году весна в Риге финишировала бурно: еще не кончился май, а город утопал в цветущей сирени.

По тенистым дорожкам бульвара у древней Бастионной горки носилась ватага школьников. Побросав на скамейки свои пальтишки и ранцы, детвора шумно «штурмовала высоту».

Под Большими часами прохаживались молодые люди, нетерпеливо на них поглядывавшие. Рядом, на мосту через канал – пестрая группа экскурсантов. Гости как зачарованные не могли оторвать взор от лебедей. А тем хоть бы что – плывут себе, горделиво выгнув щей, наслаждаются солнышком и свободой.

Однако настроение у помощника прокурора Роберта Дзениса в тот день было отнюдь не весенним. Подхваченный людской толпой, он медленно шел по улице, немного нескладный в своем мешковатом костюме. Зигрида позвонила и сказала, что задерживается в редакции – дописывает статью в завтрашний номер. Надо теперь самому тащиться в детский сад за Марите, по пути купить хлеба и молока. Надо бы и в школу заглянуть, поговорить с классным руководителем Ольгерта. Мальчишка в последнее время совсем от рук отбился. В дневнике одни тройки.

И тут еще дело Зенты Саукум. Мысли непрестанно возвращаются к нему. Суд не согласился с его выводом и дал девочке семь лет.

Дзенис был настолько погружен в размышления, что не обратил внимания на темно-красный «Москвич», остановившийся у края тротуара. Смуглый мужчина в модной замшевой куртке с вязаными рукавами и воротником приоткрыл дверцу машины.

– Маэстро, карета подана. Разрешите вас подвезти.

Дзенис не питал особой симпатии к адвокату Робежниеку. И тем не менее решил воспользоваться его любезностью.

– Странная вещь, товарищ прокурор, – в глазах Робежниека блеснула искорка иронии. – Ведь сегодня утром мы с вами фактически поменялись ролями. Даже я, защитник Саукум, не

усмотрел ни малейшей возможности отрицать ее виновность. А государственный обвинитель еще бы чуть – и добился оправдания подсудимой.

– Разве это было бы так плохо? – спокойно парировал Дзенис.

– Вы, я вижу, философ.

– Ничуть. Я отнюдь не пытался добиться оправдательного приговора, а лишь дополнительного расследования. По-моему, это далеко не одно и то же.

В следующий миг Дзенис едва не вышиб лбом ветровое стекло. Перед самым радиатором машины промелькнуло юное существо, чей пол по внешнему виду определить было нельзя. Оно, по-видимому, намеревалось ошеломить публику удалью и проскочить под самым носом «Москвича». И чуть не угодило под колеса. Робежнике едва успел затормозить.

– Скотина! – в сердцах выругался адвокат. Затем обратился к Дзенису: – Вы, маэстро, всегда были правдоборцем. Но где она, ваша правда? Допусти шофер малейшую оплошность, и автоинспектор тут же лишает его водительских прав или пробивает дырку в талоне. Зато любой разиня пешеход может вытворять на улице все что угодно.

Дзенис поглядел, как потомок Тарзана поспешно ретируется с места чуть было не состоявшегося происшествия.

– Если бы вы догнали этого малого и вздули, я на минутку позабыл бы о том, что работаю в прокуратуре.

Робежнике покосился на своего пассажира.

– А вы не такой тихоня, каким кажется. Поэтому, наверно, вас так и заело дело Зенты Саукум.

– Я ей не верю.

– Вот оно что! Прокурор не верит чистосердечному признанию обвиняемого. Оригинальный подход!

– А вы сами разве полностью исключаете мысль, что не Зента, а кто-то другой...

– ...отправил старуху на тот свет? Ну и что? Один лезет зимой купаться в проруби...

– Другой кидается с пятого этажа от несчастной любви, – с мрачной иронией подхватил Дзенис.

– Вот именно. А этой девчонке захотелось посидеть за шведскими гардинами. Ну и пусть сидит себе на здоровье. Не знал, что так печетесь о спасении душ заблудших овечек.

– Нет, нет, я не намерен вторгаться в сферу вашей деятельности.

– Что вы хотите этим сказать? Уж не то ли, что адвокат Робежнике перед лицом суда норовит отмыть добела черного кобеля?

– Не перед судом, а перед публикой. Ведь это вам выгодно: растет клиентура, а с ней и доходы.

Не отрывая взгляда от дороги, Робежнике ловко закурил сигарету и ухмыльнулся.

– Что поделаешь? Сэ ля ви, как говорят французы. Такова жизнь.

– Н-да, как видно, у нас с вами взгляды на нее весьма различаются.

Адвокат вздохнул с деланной досадой.

– В этом-то и вся беда, дорогой коллега. Разумеется, ваша беда. Жизнь отпущена человеку единожды, и желательно прожить ее с комфортом. Разве я не прав?

– Признаться, я об этом не задумывался.

– Чепуха! О хорошей жизни мечтают даже распоследние дураки. Только не каждому по уму устроить ее для себя. Иной уже в двадцать лет норовит просунуть глупую башку в хомут супружества и весь век влачит семейную колымагу. А то и похуже – разводы, матери-одиночки, брошенные дети, папаши-алиментщики... Бр-р-р!

– Вы убежденный холостяк?

– Упаси боже! Я за семью. Только в разумной дозировке. – Робежнике проводил долгим взглядом девушку в ярко-красном брючном костюме, прогуливавшуюся по аллее. – При-

дет время, и я брошу якорь в тихой гавани супружества. Не хочу одинокой старости. А пока что стараюсь жить полноценной жизнью. Скажите, Дзенис, вы когда-нибудь проводили отпуск в Сочи или в Ялте?

– Нет. Летом мы, как правило, отдыхаем в палаточном городке на Гауе.

– Это прекрасно. Но, дорогой мой, неужели так вам никогда и не хотелось отвесть плодов цивилизации двадцатого века?

– В каком смысле? – не без ехидства улыбнулся Дзенис. – Для меня, например, самая большая радость – это провести свободное время с женой и детьми.

Робежниеке усмехнулся, но промолчал.

Машина катилась под сенью вековых деревьев бульвара Падомью. На обширных газонах садовники высаживали цветочную рассаду.

– Сколько вам лет, Ивар? – неожиданно спросил Дзенис. – Тридцать или даже того меньше?

– Давайте, давайте, Дзенис, продолжайте. Обожаю лекции о моральном облике молодежи...

Я имел в виду другое, – перебил его Дзенис. – Вы помните дело Скалберга? Сколько энергии вы в него вложили, сколько бессонных ночей оно вам стоило! Мне тогда понравился молодой и способный адвокат Робежниеке, с таким азартом исполнявший свой долг юриста и гражданина. Вы доказали невиновность Скалберга и предотвратили чудовищную судебную ошибку. Какие чувства вы испытывали после заседания суда, когда его освободили из заключения?

Робежниеке усмехнулся и стал притормаживать – впереди, на перекрестке у драматического театра, зеленый огонек светофора помигал и сменился желтым.

– Вас интересуют мои тогдашние чувства? Наивный вопрос. Почувствовал приятный хруст банкнотов в кармане.

– Ну знаете ли! – возмутился не на шутку Дзенис. – Не притворяйтесь худшим, чем вы есть на самом деле.

– По-моему, лучше уж так, чем наоборот. Или вам больше по душе негодяи, прикидывающиеся святошами?

Помощник прокурора хмуро смотрел вперед и на провокационный вопрос ответил не сразу.

– Знаете, Ивар, очевидно, вы избрали для себя верный путь в жизни. Вы прирожденный адвокат.

– Благодарю за комплимент.

– Серьезно. Вы одаренный человек. Зато из вас никогда не вышел бы следователь или оперативный работник.

Робежниеке сдвинул к переносице брови и спросил неожиданно серьезно:

– Вы убеждены в этом?

Дзенис осекся.

– Стоп! Вот я и приехал. Мне надо забежать за дочкой в детсад. Спасибо, Ивар.

Робежниеке резко затормозил. На его лице была не свойственная ему серьезность.

– Как говорится, зуб за зуб. Я тоже буду откровенен. – Робежниеке достал сигарету, закурил и выключил двигатель. – Я ваш характер знаю, Дзенис. Чего бы вам ни стоило, вы добьетесь доследования по делу Саукум. А раз так, то вникните получше в заключение экспертизы. Похоже, вы оставили без внимания немаловажное обстоятельство: смертельные удары были нанесены Лоренц по правому виску. Уж не был ли убийца левшой? Зента Саукум не левша. Я это проверил.

Помощник прокурора открыл было дверцу машины, но снова захлопнул.

– Чувствую, что становлюсь вашим должником. Не понимаю только, почему в суде...

В Робезниек вновь заговорил давешний циник.

– Угождал своим клиентам. Сакум очень желала, чтобы ей вынесли обвинительный приговор. Вы разве этого не заметили?

– Отказываюсь вас понимать, Робезниек.

Дзенис вышел из машины.

– Вы многого не понимаете, уважаемый коллега. И не замечаете. Вы обратили внимание на свидетеля Майгу Страуткалн? На редкость привлекательная женщина, должен вам сказать...

И, помахав Дзенису рукой, Робезниек резко дал газ. Машина набрала скорость и скрылась за углом.

2

В тот вечер Роберту Дзенису долго не удавалось заснуть. Тихонько, не зажигая света, чтобы не разбудить Зигриду, он выскользнул в коридор. Заглянул в смежную комнату. Марите сладко посапывала в обнимку со своим любимым медвежонком. Ольгерт беспокойно метался во сне и что-то бормотал. Роберт укрыл сынишку, вышел на балкон.

Легкий ветерок овеивал лицо, шею, забирался под пижаму и приятно ласкал тело.

Дзенис задумчиво смотрел на темное небо и вспоминал другую майскую ночь, увы, давно минувшую. Студенту Роберту Дзенису тогда тоже не спалось. В точности, как сегодня, он стоял в общежитии у распахнутого окна, и в голове беспорядочно роились мысли.

Накануне профессор сказал на лекции, что стать юристом, как и врачом, имеет право лишь тот, кто любит людей, верит им. Вечером в общежитии по этому поводу развернулись ожесточенные дебаты.

– Старик, безусловно, прав, – держал речь кудрявый Марек, величайший философ на их курсе. – В каждом человеке, и даже в распоследнем преступнике, где-то в глубинах его натуры тлеет искорка добра. Иной раз бывает трудно разглядеть этот крохотный огонек. Долг юриста его разжечь, заставить гореть ярким пламенем и вернуть человека обществу.

– Как это прикажешь понимать? – возмутилась Мария, щупленькая блондиночка. – Мы, значит, должны стать этакими всепрощающими христианскими пастырями? Ты укокошишь человека, а я тебя поглажу по головке и легонько пожурю: «Ай, ай, ай, мальчик, как ты нехорошо поступил, так делать нельзя». А на другой день ты преспокойно свернешь шею еще кому-нибудь. Ложно понимаемый гуманизм! Преступников необходимо строго карать без всякого снисхождения и жалости.

– При чем тут жалость? Никто не проповедует жалость! – возразил Марек. – У нас есть милиция, суд, прокуратура, по всей строгости взыскивающие с преступников и нарушителей законности. В этом и проявляется истинный гуманизм.

– Ага! – потирала руки Мария. – Теперь сам же себе и противоречишь!

– Никакого противоречия в этом нет.

В спор вмешался Роберт. Он редко принимал участие в словесных баталиях. Но если случалось высказаться, то каждое его слово било в цель. Авторитет Дзениса среди однокурсников был непререкаем.

– Карать и воспитывать. И никакого противоречия в этом нет, – веско заметил Роберт. – Кара – один из методов воспитания. Одному надо помочь стать на путь истинный. Другому достаточно небольшого наказания. Но есть и закоренелые правонарушители, которые берутся за ум лишь тогда, когда их надолго изолируют от общества.

– Выходит, для каждого нужно издавать отдельный закон? – не уступала своих позиций Мария.

– Зачем же? – продолжал Роберт. – Закон для всех один. Но применять его надо с умом.

– А где взять такой дозиметр, чтобы определить, по какой мерке отмерять в том или ином случае? – задиристо спросила Айя, бойкая толстушка со второго курса.

– Вот тут-то собака и зарыта, кисонька. Не всякому это по плечу, – иронизировал Марек. – На плечах надобно иметь головку, а вот тут, в грудной клетушке, чуткую душу, – ехидно добавил он и приложил руку к сердцу. – А теперь, философы, послушайте.

С этими словами Марек взял с полки небольшую книжицу.

– Клапье де Лука Вовенарг, французский писатель, восемнадцатый век. – Он открыл на нужной странице и стал читать вслух: – «Разум и чувство помогают друг другу и дополняют друг друга. Тот, кто следует советам одного из них, отказываясь от другого, нерасчетливо лишает себя той помощи, которая дана нам для нашего руководства».

Эти отдающие архаикой, но мудрые слова на всю жизнь запали в сердце Роберта.

С помощью холодного рассудка юрист воспринимает факты, анализирует показания, оценивает преступление с точки зрения его опасности для общества. Но вот он с глазу на глаз встречается с обвиняемым, наблюдает его, изучает характер, образ мыслей, отношение к содеянному, выясняет психологические мотивы, побудившие человека к преступным действиям. И тут к рассудку присоединяется чутье – личные эмоции и впечатления юриста, его внутренняя убежденность. Вот теперь он имеет право принять решение, как действовать дальше. Если следователь, прокурор, судья обладают способностью разумно сочетать рассудок с интуицией, то их решения, несомненно, будут точны и справедливы.

...Блуждая в прошлом по закоулкам памяти, Роберт Дзенис даже не заметил, как над темной стеной дома напротив заблестел краешек луны. Край довольно быстро округлялся, покуда серебристый диск не оторвался от крыши и не выплыл в открытое небесное море.

Темные деревья на тротуаре отбрасывали призрачные тени на пустынную мостовую. На черной листве мерцала бледная лунная дорожка. Она тянулась все дальше, до тех пор, пока не уперлась в кустарник на сквере у перекрестка.

«Светлая тропинка, – подумалось Роберту. – Как трудно бывает иной раз отыскать ее в жизни! Вот и в деле Зенты Саукум столько еще неясного, еще так много темных мест, которые надо высветить».

В ходе следствия девушка многие свои показания повторяла слово в слово как зазубренный урок. Именно эта точность не устраивала Дзениса. Очень редки случаи, когда люди вспоминают происшествие во всех подробностях.

Дзенис помнил, как выглядела Зента Саукум на суде: смирная, даже флегматичная, с замедленной реакцией. Такой человек вряд ли способен потерять самообладание и убить другого в ссоре из-за пустяка.

С какой готовностью рассказывала она все до мельчайших подробностей, словно опасалась, что ей не поверят. Обвиняемые так поступают лишь в одном из трех случаев: когда стараются угодить следователю или судье в надежде на смягчение наказания, с намерением скрыть другое, более тяжкое преступление или же если хотят выгородить истинного виновника.

От внимания Дзениса не ускользнула тревога Саукум, когда он потребовал дополнительного следствия. Когда же суд огласил приговор, который, казалось бы, должен привести ее в смятение, Саукум странно успокоилась. Несомненно, она что-то скрывает, – Но что? Неужели это так и останется тайной?

Роберт Дзенис по-прежнему стоял на балконе. Небо на востоке затянулось облаками. Одна за другой гасли сонные звезды. Ночной холодок пробирал все глубже.

«Утро вечера мудренее», – решил Роберт и пошел спать.

3

Ивар Робежниеке просунул голову в окошко регистратуры.

– Дайте, пожалуйста, номерок к врачу Страуткалн.

– Карточка есть? – не поднимая взгляда, спросила девушка.

– Извольте.

Робежниеке подал свою визитную карточку.

– Вы что дурака валяете, гражданин! Я спрашиваю, есть ли у вас амбулаторная карточка!

Бывали у нас или вы первичный больной?

Адвокат развел руками.

– К сожалению, нет. Если бы знал, что тут такие симпатичные девушки...

– Паспорт! – коротко потребовали у него.

– Очень жаль, но не захватил с собой. Могу предложить только служебное удостоверение.

Девушка была неумолима.

– Мне нужен паспорт. Может, вы не из нашего района.

– Из вашего, дорогая, – адвокат что-то прикинул в уме. – Улица Бикерниеку, шестнадцать. Это ведь ваш район?

– Ничего не знаю. Без паспорта не имею права заводить на вас карту.

– У меня высокая температура. Бросает то в жар, то в холод. Необходима срочная мед-помощь. Не верите? Дайте градусник.

Регистраторша смягчилась.

– Ладно уж. Как для тяжелобольного сделаю исключение. А в следующий раз обязательно берите с собой паспорт. Держите номерок. Семнадцатый.

В коридоре перед кабинетом врача толпились люди/ Робежниеке вышел на лестницу покурить. Когда вернулся, его очередь уже прошла. У врача побывал уже двадцатый и даже двадцать пятый номер. Адвокат терпеливо ждал. Время тянулось медленно, как больная черепаха.

Наконец, из кабинета вышел последний посетитель. В двери появилась медсестра.

– Есть еще кто на прием?

Робежниеке подал свой номерок.

– Я немного опоздал и потому ждал, когда пройдут все.

– Входите, пожалуйста.

В белом халате Майга Страуткалн показалась Робежнику еще привлекательнее, чем на суде. Она сидела за столиком. Халат снизу был слегка приоткрыт, юбка подтянулась кверху.

Перехватив нескромный взгляд пациента, Страуткалн запахла полы халата.

– Садитесь. На что жалуетесь?

– Сердце болит, – вздохнул адвокат.

– Боль щемящая или колющая?

– Нечто среднее.

Врач с подозрением посмотрела на больного. Измерила пульс, кровяное давление, выслушала сердце и легкие.

– Изжога есть?

– Да, очень сильная.

– Головокружение бывает?

– Бывает и головокружение.

– И боль в пояснице?

– Почти ежедневно.

Врач с трудом сдерживала смех.

– Скверно, – заключила она. – Придется немедленно положить вас в больницу. Необходимо клиническое исследование. Анализ крови из вены, рентгеноскопия кишечника, анализ желудочного сока и желчи...

Робежник поежился.

– Доктор, но у меня болит ведь только сердце. Неужели его теперь лечат методами средневековых пыток?

– Извините, но мне уж видней, что делать, – сухо сказала врач.

– Но, быть может, все это можно в амбулаторном порядке, под вашим надзором? Хотелось бы...

– Ни под каким видом, – в том же непреклонном тоне возразила врач. – Только в больнице, в условиях стационара. Сейчас позвоню, чтобы подготовили место.

Страуткалн взялась за телефонную трубку.

– Одну минутку! – задержал ее руку Робежник. – По-моему, мне уже лучше.

Глаза Майги Страуткалн лукаво заискивались.

– Вот видите. А ведь многие больные не верят в психотерапию.

– Я же сказал, что хочу лечиться только у вас.

– Пришли к этому решению еще тогда, в зале суда?

Робежник рассмеялся.

– Стало быть, узнали?

– Как только появились на пороге. У меня хорошая зрительная память. А минутой позже я убедилась в вашем незаурядном здоровье.

– Выходит, разыграли меня?

– Да нет, отчего же. Просто теперь мы квиты.

Робежник был восхищен.

– Вы изумительны!

– И вы пришли только ради этого сообщения?

Адвокат встал.

– Вопрос по существу. Кабинет врача неподходящее место для частных бесед. Прием ведь уже окончен. У входа стоит моя машина. Разрешите...

– С работы я предпочитаю ходить пешком. Прогулка на свежем воздухе – надежная защита от микробов и инфекций.

– С удовольствием составил бы компанию, если не возражаете. Только сомневаюсь, что хождение по пыльным улицам отвечает требованиям гигиены. У меня другое предложение. Поедьте на взморье. Вы когда-нибудь гуляли по пляжу в мае месяце?

Страуткалн сняла халат.

– Соблазнительное предложение. Только...

Она взглянула на часы. Затем неожиданно решилась,

– Хорошо! Только с одним условием. В семь я должна быть дома.

Робежник поклонился.

– Ваше желание будет исполнено. Как говорили раньше: ваша воля для меня закон.

Взморское шоссе, летом обычно переполненное машинами, теперь было пустынным и манящим. Робежник смело прибавил газу. Стрелка спидометра поползла вверх. Майга опустила боковое стекло.

– Люблю такую скорость. Мой муж не ездит быстрее шестидесяти.

– Последовательный человек. Простате, а он ревнив? – поинтересовался адвокат. – Может быть, мне предстоит дуэль?

– Чепуха, мой муж не так уж глуп, к тому же у него нет никакого повода для ревности.

Позади остался мост через Лиелупе. Дорога пошла сосновым лесом. Вскоре за деревьями замелькали дачки.

У концертного зала в Дзинтари Робежниеке остановился и помог своей спутнице выйти из машины.

К пляжу вела асфальтовая дорожка. Порыв ветра метнул в лицо влажный привет моря, пошуршал в кустарнике и затих среди сосен. Солнечные лучи, расшибаясь о синие волны, рассыпали ослепительные искры, и глаза приходилось все время щурить или прикрывать ладонью.

Вокруг не было ни души, если не считать одной парочки в отдалении. Парень, защищая девушку от ветра, прикрыл ее своим плащом и крепко обнимал.

Море шумело и звало. Синие с прозеленью волны, облитые молочно-белой пеной, набегали на песок, но, передумав, медленно возвращались в море. Чайки с вызывающими криками пролетали низко над водой и терялись среди белых гребешков.

– Как тут хорошо, когда нет людей, – сказала Майга. – Трудно себе представить, что через месяц тут будет толчея, как на рынке. Такое взморье я не люблю.

– Вы индивидуалистка, – засмеялся Робежниеке. – Избегаете людей.

– Ничего подобного. Людей я люблю. Но иногда они меня утомляют, и тогда хочется побыть одной.

Под ногами похрустывали мелкие белые ракушки.

– Давайте будем откровенны, – после паузы, как-то особенно неожиданно сказала Страуткална. – Скажите, каким ветром вас сегодня занесло в поликлинику? И для чего привезли меня сюда?

– А вы сомневаетесь в силе своих чар? Как увидел вас в зале суда...

Страуткална резко его прервала:

– Не надо. Терпеть не могу тривиальностей. Я не девочка, да и вы достаточно практичный человек, чтобы тратить время попусту.

Робежниеке молчал. Он что-то обдумывал, потом сказал:

– Мне было необходимо вас встретить.

– Как адвокату по делу об убийстве Лоренц?

Робежниеке уклонился от прямого ответа на вопрос.

– Скажите, вы никогда не мечтали стать актрисой? – начал он издали.

– Конечно, мечтала, как все девчонки. В школе даже играла в художественной самодеятельности. И, говорят, неплохо получалось.

– А что вы скажете, если я сейчас предложу вам роль?

– Интересно. Какую же?

– Весьма таинственную...

Ветер постепенно крепчал. Над морем летели рыжевато-серые, рваные облака.

Со стороны врач и адвокат походили на влюбленную пару, которой нипочем любая буря. Над их головами кружили любопытные чайки, словно хотели подслушать, о чем так оживленно разговаривают эти два человека.

Внезапно адвокат посмотрел на часы.

– Половина седьмого. Пора ехать! Обещал доставить вас в срок.

И вскоре красный «Москвич» снова демонстрировал, на что способен его мотор.

4

Электричка остановилась в Саулкрастах.

Стояло погожее воскресное утро. Из переполненных вагонов высыпались сотни пассажиров, слились в бурливый людской ручей и утекли в сторону пляжа. Лишь десятка два человек отделились от общей массы и направились в противоположном направлении, в лес, начавшийся сразу за железной дорогой.

Дорожка вилась через сосновый бор, огибала болотце и взбегала на пологий холм.

Дзенис шел краем оврага мимо недавно заложенных садов и недостроенных дач. На своих участках сустились работающие человечки. Краснощекий здоровяк в шелковой майке быстро, как в мультфильме, орудовал лопатой. Он копал с такой потешной быстротой, точно боялся, что у него вырвут лопату из рук. Сухой песок сыпался с краев ямы будто в песочных часах.

Немного подальше долговязый субъект, в очках и с бородкой, вытянувшись ничком на крыше сарайчика-временки, приколачивал толевую обшивку. Он энергично лупил молотком перед самым своим носом, через несколько ударов ощупывал головку вбитого гвоздя и, кажется, что-то приговаривал.

Тоненькая невысокая женщина с модной прической, стиснув зубы, толкала перед собой навстречу Дзенису тачку торфа – удобрение для сада. «В ноте лица своего...» – вспомнилось Дзенису.

В самой середине участка, над кособоками, кое-как сколоченными временными постройками гордо возвышалась готовая дача с пологой крышей. К ней подъехал грузовик. Бригада рабочих выгружала шпунтованные доски для пола и складывала в аккуратный штабель. Энергичный человек суетливо бегал и командовал:

– Давай, давай, ребята, поднажмем! Сегодня еще в одном месте успеем подкалымить.

Дзенис подошел ближе.

– Вы не скажете, где тут живет Озоллапа? – спросил он.

– Не знаю, не знаю, – отмахнулся тот.

К счастью, подошел хозяин соседнего дома, мускулистый человек с большими руками. Он охотно объяснил Дзенису:

– В нашем кооперативе два Озоллапы. Один строится вон там, видите, желтая конура? А другой подальше, у самого леса.

В конце концов Дзенис разыскал того, который был ему нужен. Возле небольшой хибарки, сколоченной из горбыля, плечистый мужчина приделывал к лопате новый черенок. Рыжеватые волосы были подстрижены ежиком. Безукоризненные складки на серых рабочих брюках и аккуратно закатанные рукава говорили о том, что этот человек в любых обстоятельствах не забывает о своей внешности.

Он неожиданно поднял взгляд и увидел Дзениса.

– Роберт! – он повернулся к хибаре. – Гайда, иди погляди, кто к нам пожаловал!

В дверях появилась полная шатенка.

– Ба, сам Роберт Дзенис! – радушно воскликнула хозяйка.

Хозяин двинулся навстречу гостю.

– Молодец, что решил посетить мой вигвам. А где же Зигрида?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.